

Тайна болотъ.

(Легенда изъ Каргопольской старины).

I.

Проѣзжая изъ Каргополя въ Пудожъ, въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ августа 1911 года я подъѣзжалъ къ Орловской земской станціи, находящейся почти на границѣ уѣздовъ Пудожскаго и Каргопольскаго. Лошади, радуясь вечерней прохладѣ, быстро неслись по усыпанной пескомъ дорогѣ. Колокольчикъ гулко звенѣлъ въ вечернемъ воздухѣ. По обѣимъ сторонамъ тракта тянулись дремучіе хвойные лѣса. Дорога бѣлѣла среди нихъ извилистой лентой, то поднимаясь въ гору, то вновь быстро исчезая въ безконечномъ лѣсу. Ямщикъ, молодой парень, задумчиво сидѣлъ на козлахъ, по временамъ разговаривая съ лошадьми.

Мы миновали небольшое лѣсное озеро, расположенное у самаго края дороги, все покрытое бѣлымъ паромъ, каменную часовенку (на сверткѣ въ Кирилло-Челмогорскій монастырь), проѣхали нѣсколько лѣсныхъ полянъ и, наконецъ, въѣхали въ небольшую деревушку „Ручей“ съ протекающимъ за ней извилистымъ ручейкомъ. Передо мною уже бѣлѣло своею поверхностью довольно большое Лекшмозерское озеро, окаймленное темнымъ, въ вечернемъ сумракѣ, лѣсомъ. Показалось нѣсколько десятковъ расположенныхъ вдоль берега, по краямъ дороги избъ, большою частью ветхихъ, съ деревянными трубами на крышахъ... Вдругъ лошади остановились у новаго двухъэтажнаго дома. Ямщикъ слѣзъ съ сидѣнья и сказалъ: „станція“.

Съ крыльца въ это время вышелъ навстрѣчу пожилой человѣкъ и назвалъ себя содержателемъ станціи.

Онъ провелъ меня въ довольно чистую комнату и тутъ любезно заявилъ, что такъ какъ за день лошади всѣ вышли, то мнѣ уже придется подождать до утра.

Спѣшить было некуда, и потомъ, я спокойно встрѣтилъ это извѣстіе. Хозяинъ вышелъ заказать чай. Я сѣлъ къ окну и смотрѣлъ на улицу, гдѣ бѣгали деревенскія дѣти.

Непривѣтливо смотрѣли на меня старыя угрюмыя избы, за ними виднѣлись кое-гдѣ огороды и гумна, тамъ далѣе было расположено небольшое поле, и за нимъ чернѣлъ сплошной лѣсъ.

Съ другого конца деревни слышались пѣсни... Рабочіе, неся за плечами вилы и грабли, усталою толпою возвращались съ сѣнокоса.

— „Что, дѣвка, у тебя въ рукахъ?“ Послышался голосъ хозяйна изъ сосѣдней комнаты.

— „Топоръ нашла въ болотѣ у Калмы“, отвѣчала молодая дѣвушка, прохаживая мимо окна.

— „Онять такой же“, сказалъ хозяинъ и взялъ вещь въ руки.

— „Такой же... Стали косить у кустовъ. Вдругъ что-то зазвенѣло—чуть косы не сломила. Гляжу—во мху топоръ. Прошлый годъ, продолжала дѣвушка, дядюшка тоже такой же нашелъ... Я вошелъ въ комнату и очень заинтересовался, увидѣвъ весь заржавленный топоръ старинной формы. Такой формы топоры, судя по рисункамъ, встрѣчались на Руси лишь въ старое время.

— „Какъ же въ болото попали такія вещи?“ спросилъ я.

— „Кто ихъ знаетъ“, отвѣчалъ хозяинъ. У насъ здѣсь народъ ужъ находить въ болотахъ (верстъ за 20 отсюда у рѣки Калмы) разныя старинныя вещи.. Кто положилъ ихъ сюда—неизвѣстно. Отъ стариковъ я слыхалъ много разказовъ про это, да можно ли вѣрить? Мало ли что болтають...

— „Все-таки, разкажите, пожалуйста, что слыхали“, просилъ я.

— „Да вотъ пойдемте чай кушать. Что самъ слыхалъ—разкажу“.

II.

Мы прошли въ другую комнату и усѣлись за столъ, на которомъ стояли чайные приборы.

— „Видите ли, началъ хозяинъ, когда это было,—въ точности не знаю, но по разсказамъ—было это уже давно. Тогда царская служба (т. е. солдатчина) была очень длинная и тяжелая...“

Много разказовъ слыхалъ я про эту службу... Не всѣ могли ее выносить. Тѣ, кому была она не по силамъ, убѣгали скрываться отъ нея въ глухія мѣста. Мѣсто наше,—сами видите, и теперь еще окружено дремучими лѣсами да болотами, а что тогда было—и говорить нечего!

Вотъ и собирались такіе бѣглецы здѣсь среди почти непроходимыхъ, неизвѣстныхъ никому, кромѣ мѣстныхъ жителей, болотъ на рѣкѣ Калмѣ. Здѣсь они и жили, собравшись шайкой. Но надо имъ было кормиться. А средства для промысловъ были близко... Видите,—паша волюсть (Лекшмозерская) лежитъ на границѣ между 2 изстари населенными мѣстами—г. Пудожемъ и г. Каргополемъ. Городъ Каргополь былъ раньше богатымъ геродомъ.

И на глухомъ волоку, что узкой лѣсной тропой пролегалъ между этими городами, часто было много проѣзжихъ, особенно людей торговыхъ, а также и богомольцевъ, пробирающихся въ Макарьевскій, Челмогорскій и др. монастыри. Дорога сюда шла все дремучими лѣсами—верстъ по 70—80 въ длину и тонкими болотами. Бѣглецамъ все это было на-руку. Наша деревушка (она существуетъ давно) была единственнымъ жильемъ среди этихъ лѣсовъ. Даже и теперь она единственное жилое мѣсто, на пути отъ села Лядинъ до села Колодозера—на 50-ти съ лишкомъ верстахъ. И вотъ разбойники для удобства при своей работѣ завели знакомство съ однимъ мужичкомъ изъ нашей деревни (она тогда называлась „Орлова гора“) по прозвищу „Шопоткомъ“. И заключили, будто-бы, они съ нимъ условіе, по которому Шопоткомъ за извѣстное вознагражденіе обязывался укрывать ихъ у себя въ домѣ *) а также—помогать имъ скрывать темныя дѣла. Берегъ озера (что здѣсь за домомъ) у насъ называется „Могильникомъ“. Называться такъ онъ сталъ потому, что озеро, подмывая берегъ (оно выбрасываетъ сюда каждую весну горы льду), начало обнаруживать въ немъ большія Человѣческія кости... Кости продолжаютъ вымываться изъ земли и до сихъ поръ каждую весну.

Разбойники, нападая на проѣзжихъ, грабили ихъ и убивали, а трупы съ помощью Шопотка зарывали въ берегъ, вынося ихъ ночью

*) Дѣйствительно, деревни Лекшмозерскаго погоста (въ томъ числѣ и Орловское общество) существовали уже въ отдаленныя времена. Указанія на это можно найти въ житіи св. Кирилла Челмогорскаго, жившаго въ XVI в., а также въ рукописной книгѣ „Сказанія о чудесахъ пр. Макарія Житовидскаго (чудо 6-е), хранящейся въ Хергозерской Макарьевской пустыни. Авторъ.

чрезъ „сѣни и дворъ Шопотковой избы“, которая стояла на берегу озера...

— „Можно-ли посмотрѣть „Могильникъ“? перебили. я.

— „Конечно, можно“, отвѣчалъ рассказчикъ: „Стоить вамъ пройти вдоль берега до послѣдней деревни, которая называется „Исаковщина“, и тутъ на берегу вы увидите высокія ели—это и есть Могильникъ“.

— „Да вотъ еще“, продолжалъ онъ: „разсказывалъ мнѣ прадѣдъ, будто-бы, разбойники одинъ разъ ограбили бегселома старухъ, подкарауливъ ихъ за горой, поросшей густымъ хвойнымъ лѣсомъ (мѣстность по обѣимъ сторонамъ дороги гористая). Они зашибли старухъ на-смерть (большимъ сосновымъ суконъ) и хотѣли найти у нихъ деньги. Но въ котомкѣ, между тѣмъ, оказалась лишь икона св. ап. Петра и Павла. Разбойники съ досадою бросили ее въ озеро. Икона, качаясь на волнахъ, приплыла къ деревнѣ Кайсаровской (Исаковщина), тутъ жители хотя ее и видѣли не разъ, но не взяли изъ воды. Наконецъ, одна женщина оттолкнула икону ногой отъ берега. Тогда икона приплыла на другой берегъ озера, гдѣ ее взяли рыбаки и въ память ея прибытія построили церковь во имя св. апост. Петра и Павла. Рыбный промыселъ послѣ этого пошелъ хорошо, и благодарные рыбаки въ память св. рыбаковъ-апостоловъ выстроили каменную церковь. Вотъ это ее видать на томъ берегу озера“—онъ указалъ на бѣлѣющую за озеромъ церковь.

„А жители той деревни, продолжалъ разговорчивый хозяинъ, которые не приняли иконы, живутъ до сихъ поръ очень бѣдно. Многіе изъ нихъ утонули, другіе посланы на каторгу... Потомство же женщины, оттолкнувшей икону, страдаетъ до сихъ поръ болѣзнью ногъ—какъ то разбухаютъ пятки. Болѣзнь эта передается изъ рода въ родъ“...

Въ комнатѣ, слабо освѣщенной свѣчкой, было уже темно. Стояла темная, теплая ночь...

Изъ сосѣдней рабочей комнаты слышался храпъ—тамъ спали утомившіеся за день сѣнокосники... Мы лишь двое сидѣли и разговаривали. На столѣ стоялъ давно остывшій самоваръ. Было всюду тихо. Слышно было жужжаніе мухъ, перелетающихъ по потолку комнаты. „Можетъ-быть отдохнуть желаете съ дороги?“ сказалъ вдругъ, прервавъ молчаніе хозяинъ... Вотъ пройдите сюда на верхъ—здѣсь свѣжее сѣно подостлано“!..

III.

Оставшись одинъ, я долго не могъ заснуть. Разсказъ хозяина, переданный здѣсь читателю почти дословно, волновалъ мое воображеніе. Я думалъ объ этомъ сѣдомъ кровавомъ времени, и многое въ легендѣ показалось мнѣ вѣроятнымъ. Подобные же разсказы про солдатъ бѣглецовъ слыхалъ я не разъ. Въ Олонецкой губерніи есть даже цѣлый приходъ (въ Вытегорскомъ уѣздѣ)—„Лихая Шалга“ (находящійся на островахъ среди порою прямо непроходимыхъ болотъ), населеніе котораго считаетъ своими предками шайку бѣжавшихъ со службы солдатъ.

Одни изъ нихъ убѣгали сюда со службы отъ суровыхъ наказаній, другіе же просто скрывались отъ солдатчины, наслышавшись про ея ужасы. Такъ эти бѣглецы завели, наконецъ, цѣлое поселеніе, долгое время никому неизвѣстное... Даже въ настоящее время лѣтомъ прекращается всякій доступъ къ тому мѣсту. Путнику, желающему носѣ-

тить лѣтомъ Лихую Шалгу, приходится итти пѣшкомъ по болотамъ, безъ тропинокъ, упадая по колѣни въ жидкую ржавчину. И такъ проходитъ десятки верстъ...

Подобнымъ же центромъ для бѣглецовъ могли служить и упомянутыя болота по рѣкѣ Калмѣ (Каргопог. уѣзда). Въ существованіи разбойниковъ въ Олонецкой губерніи я не сомнѣвался. Стоитъ вспомнить историческіе рассказы о томъ, какъ разбойники свирѣпствовали при первыхъ царяхъ изъ Дома Романовыхъ по р.р. Онегѣ и Вагѣ, избивая жителей, грабя храмы... Да и зачѣмъ углубляться въ старину! Даже еще въ сравнительно недавнее время близъ города Каргополя (въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся тракты—Пудожскій и Вытегорскій) водились разбойники, которые днемъ скрывались въ ямахъ, а ночью нападали на проезжихъ. Вспоминая все это, я приходилъ къ заключенію, что весьма вѣроятнымъ могло быть существованіе и тѣхъ разбойниковъ, про которыхъ я теперь слышалъ. Долго я не могъ еще заснуть. За окномъ почти сразу же (лишь чрезъ небольшое поле) начинались болота, покрытыя темной ночью. Мнѣ представлялся раздѣленный столѣтіями такой же вечеръ... Ёдетъ по лѣсу запоздавшій путникъ... Торопится на ночлегъ, думая о завтрашнемъ днѣ... И не знаетъ того, что смерть уже стоитъ у него за спиною... Зоркій глазъ разбойника слѣдитъ за его шагами. Вдругъ крикъ—жалобный, пронзительный—оглашаетъ пустынные лѣса..... Наконецъ, я заснулъ.....

Когда я проснулся, то солнце было уже высоко. Работники, почевавшіе внизу, давно ужъ ушли на сѣнокосъ. Передъ окномъ плескалось озеро, и солнечные лучи ослѣпительно яркимъ снопомъ играли на его поверхности. Съ другого берега видѣлась церковь св. ап. Петра и Павла.

Хозяйская дѣвочка пришла съ самоваромъ и сказала, что лошади будутъ скоро готовы. Я отвѣтилъ, что вскорѣ вернусь и пошелъ вдоль берега, желая посмотрѣть „Могильникъ“. Пройдя такъ до конца деревни, я увидалъ на берегу ель, о которой упоминалъ въ рассказѣ хозяйни—содержатель станціи. Въ озерѣ купались дѣти. На берегу женщина торопливо разстилала по травѣ мокрое бѣлье.

— „Здѣсь „Могильникъ?“ спросилъ я.

— „Тутъ“, отвѣтила она. „Вонъ тамъ еще другой Могильникъ есть—туда хоронятъ умершихъ некрещеными дѣтей“.

— „А здѣсь не хоронятъ ихъ?“

— „Нѣтъ, не хоронятъ“.

— „Почему же зовутъ этотъ берегъ „Могильникомъ“.

— „А кто знаетъ. Не знаю отчего. Ужъ такъ давно зовутъ“, проговорила женщина и торопливо принялась за свое дѣло. Я сталъ смотрѣть на низкій берегъ. Озеро въ этомъ мѣстѣ довольно сильно подмывало его... Изъ образовавшейся промоины видѣлось однимъ краемъ какое то зачернѣвшее отъ времени дерево... Корень ли былъ тутъ, или же доска, зарытая давно въ землю, узнать было трудно. Нужно было снять съ другого края вымываемаго предмета грунтъ земли... Я долго смотрѣлъ на все болѣе и болѣе размываемую яму. Легкія волны дружно ударялись о берегъ, какъ будто сознательно намѣреваясь показать людямъ скрытую въ немъ тайну. Онѣ спокойно и весело дѣлали свое дѣло и, казалось, исполняли этимъ приказанье Высшей Воли... „Нѣтъ ничего тайнаго, что не открылось бы“, приходили на память слова Спасителя...

„Кони поданы“... слышалось изъ-за избъ. Я поспѣшилъ къ станціи, гдѣ уже стояли запряженные лошади.

Мальчикъ-ямщикъ стоялъ у тарантаса, поджидая меня... Мы тронулись... Колокольчикъ вновь зазвенѣлъ... Избы, „Могильникъ“, стадо на дорогѣ мелькнули и скрылись позади. Одно лишь озеро долго еще видѣлось, идя о край дороги. Мнѣ долго былъ слышенъ тихій плескъ его волнъ, ударяющихся о довольно низкій берегъ...

„И не уйдешь ты отъ суда людского,

„Какъ не уйдешь и отъ Божьяго Суда“...

вспоминались слова поэта.

и. Р.

По вопросу о поземельномъ устройствѣ въ Усть-сысольскомъ, Сольвычегодскомъ и Яренскомъ уѣздахъ Вологодской губерніи.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 14 мая 1882 года положенія главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія.—работы по составленію и выдачѣ владѣнныхъ записей въ означенныхъ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи были отложены впредь до особаго распоряженія, каковое и воспослѣдовало два года тому назадъ. На специально образованную при Вологодскомъ губернскомъ присутствіи поземельно-устроительную партію возложена эта весьма тяжелая и сложная работа.

Постановка поземельно-устроительныхъ работъ въ означенныхъ трехъ уѣздахъ будетъ весьма существенно отличаться отъ остальныхъ уѣздовъ губерніи, гдѣ не составляло особеннаго труда опредѣлить крестьянское землепользованіе.

Крестьянское землепользованіе въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ—Усть-сысольскомъ, Сольвычегодскомъ и Яренскомъ—далеко вышло за предѣлы тѣхъ ничтожныхъ размѣровъ, какими рисуетъ его officialная статистика, и давно уже вышло за предѣлы крестьянскихъ неразмежеванныхъ дачъ. Принимая то форму самовольныхъ подсѣкъ, то аренды оброчныхъ статей или надѣловъ лѣсной стражи, то захватовъ прирѣчныхъ покосовъ по глухимъ лѣснымъ рѣчкамъ. Вообще фактическое землепользованіе старожилаго населенія далеко внѣдряется въ казенныя земли, иногда уходя туда узкими полосами на сотню верстъ, иногда разбрасываясь незначительными по величинѣ, но обильными по количеству вкрапинами. Лѣсная стража при ея малочисленности и незначительности получаемого ею содержанія, а также и существующія узаконенія безсильны бороться съ увеличивающейся изъ года въ годъ потребностью крестьянъ въ увеличеніи своего землепользованія, какъ путемъ расширенія уже существующихъ захватовъ, такъ равно и путемъ расчистки новыхъ и новыхъ пространствъ. Циркуляръ 9 апрѣля 1867 г. и отсутствіе разрѣшенія льготныхъ расчистокъ сыграли несомнѣнно значительную роль въ характеръ и специфическихъ особенностяхъ крестьянскаго землепользованія этихъ уѣздовъ.